

Александр Щербаков

ШЕЛОПУТ И ФОРТУНА

Моя жизнь с Галиной Щербаковой (II)

Александр Сергеевич Щербаков

Шелопут и фортуна

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28512273

SelfPub; 2017

Аннотация

«Шелопут и фортуна» – продолжение книги «Шелопут и Королева». Вот что о той писал выходящий в Лос-Анджелесе альманах «Панорама». «По всем законам, это должна была быть мемуарная книга. Но получился роман, который можно назвать энциклопедией советской жизни. Только не с вымышленными сюжетом и персонажами, а с реальными. С поворотами, деталями и подробностями, которые не придумаешь... И в то же время – со всеми непреложными компонентами романного повествования». В новой книге, как и в прежней, повторяется подзаголовок – «Моя жизнь с Галиной Щербаковой». Та же героиня, но иные обстоятельства и подробности нашего российского существования.

Содержание

Первая глава	5
I	5
II	21
III	29
IV	42
Конец ознакомительного фрагмента.	52

*Шел козёл дорогою, дорогою, дорогою,
Нашел козу безрогую, безрогую, безрогую.*

*«Давай, коза, попрыгаем, попрыгаем, попрыгаем
Да ножками подрываем, подрываем, подрываем».*

*А коза ругается, ругается, ругается,
А козёл бодается, бодается, бодается.*

Первая глава

I

В моем раннем, дошкольном детстве, состоявшем из череды то и дело повторявшихся болезней, самыми тягостными для меня были воспаления уха. То одного, то другого, а то и обоюдного. Недаром из всех окружавших меня в ту пору людей, кроме родных, я запомнил имя, точнее – фамилию, только одного: доктора Фиалковой, отоларинголога.

Через пропахшие скипидаром ватные компрессы, ко мне, одиноко лежащему в тиши дня, с четкой регулярностью пробивались приглушенные, невнятные, но принадлежавшие живому, беспокойному миру звуки. Удивляться их живости не приходилось – то был шум школьных перемен, а загадочную невнятность и приглушенность придавала стена, отделявшая мою койку от их горластого кипения. Она, стена, несмотря на внешнюю капитальность, лениво, но внятно резонировала от стихийной ребячьей непоседливости.

Акустическая аура директорской квартиры в школе захудалого уральского городка в годы войны.

В самом этом шуме, как в беспорядочной энтропичной среде, казалось бы, не было ничего интересного. Но я ждал. И, как правило, иногда в начале переменки, иногда в середи-

не или конце возникало нечто волнующее меня: какая-то по кругу повторяющаяся примитивная мелодия, чуть слышимая из-за ее отдаленности, выводимая слаженными детскими голосами, можно сказать, со тщанием шаманства. Очевидно, это была какая-то неизвестная мне хороводная игра. Пение прерывалось на какую-то минуту, потом возникало вновь.

Именно повторяемость, можно сказать, заунывность одного и того же, то терявшаяся во всеобщем глухом и потому тревожном гуле, то вдруг прорезавшая его, а потом снова уходящая в ничто, почему-то волновала и томила. Даже страшила, но это был страх... не страшный, не жуткий, а как бы щекотный, его хотелось испытать еще. Какую-то тайность порождало сочетание (или наслаивание) неумолимого, словно океан, равнодушного рокота и вдруг вырывающегося из него (или бьющегося в него) тревожного, колеблющегося, ломкого, будто в последний раз звучавшего, но вновь и вновь возникающего... голоса-зова? Сигнала SOS? Упования на отзыв в безжизненной вселенской немоте?..

Пробуждалось смутное предчувствие. И даже смятение... Может быть, так являлся знак неумолимости судьбы и – неизбежной конечности?..

А однажды неведомая мне межурочная игра младших школяров приблизилась к ограничивающей их пространство стене, и я расслышал в будоражившем меня мотиве еще и слова.

*Шел козёл дорогою, дорогою, дорогою,
Нашел козу безрогою, безрогою, безрогою.*

*«Давай, коза, попрыгаем, попрыгаем, попрыгаем
Да ножками подрыгаем, подрыгаем, подрыгаем».*

*А коза ругается, ругается, ругается,
А козёл бодается, бодается, бодается...*

Но, как оказалось, содержание драмы раскрыв-шегося шестистрочного сюжета уже не играло для меня никакой роли. Кстати, первое время он по ошибке показался мне более, что ли, замысловатым. То ли была виновата стенная перегородка, то ли ватный тампон в ухе, но поначалу я воспринял вторую строку как «Нашел козу *безногую*». И тогда сюжет становился интригующим и драматичным до безобразия. Не очень добрый козел набрел на козу-инвалидку и стал над ней насмехаться: мол, давай попрыгаем! Коза, естественно, возмутилась, а козел-невежа «распустил руки», в данном случае – рога.

Когда же я избавился от заблуждения в фабуле этой баллады и, соответственно, в ее трактовке, все стало прозаичнее и, так сказать, типажнее. Коза беспричинно бранится (коза и есть коза!), ну, а с козлом и так все ясно...

Но, как я сказал, это уже не имело значения.

Все сущее, куда-то движущееся и, возможно, имеющее

какую-то никому не известную цель, в моем подспудном ощущении ассоциировалось с неумолимым бездушным шумом-фоном, сквозь который, если повезет, иногда остро улавливаешь мгновенное живое озарение *данного момента* – обрывок, всполох, один такт где-то звучащей неуловимой гармонии. Это мое уже последующее, отчасти осмысленное переживание. А тогда, в малом возрасте, подсознательно, психически и даже как-то телесно я ощущал все это в метафоре бесчувственно пульсирующего гула и трудно сквозь него пробивающейся упрямой мелодии. Мотив этот – он и есть *смысл* – всегда норовит ускользнуть, исчезнуть, он трудноуловим...

Ну, а шум – он не требует ни от кого ничего, он сам внутри нас, мы в нем существуем, потому что и он, и мы природно естественны, саморождаемы, одно в другом, и наоборот. Но есть разница: шум вечен, а мы нет. Может быть, поэтому нам, или хотя бы некоторым из нас, так хочется расслышать *смысл*: зачем *все*?

Вырастая из детского состояния, понимаешь: уже на пути к этому вопросу встают и преграды-стены, вырастающие из природы вещей, и накапливающиеся в сознании (как серные пробки в ушах) заглушки житейской мудрости – высокомерного суррогата *смысла*. Не раз и не два начинаешь думать, что этой субстанции – смысла – вообще не существует. Но вдруг из-за стены всплывает: «Шел козел дорогою, дорогою, дорогою...»

Нет, не только из шума, не только из равнодушной вечности состоит мироздание. Есть еще что-то...

«В безмолвном мире сердца. Наша жизнь с Галиной Щербаковой» – так называлась моя первая большая (по объему) литературная работа, помещенная мною в Интернете. Позднее она превратилась в печатную книгу «Шелопут и Королева». А вслед за ней в моем интернет-журнале «Обыватель» появилась ее продолжение – «В незримом мире смысла». Словесная родственность названий очевидна. Нетрудно догадаться, автор намекает: его внимание занято все тем же. Та же жизнь с той же героиней. Но – сразу откроюсь – запечатленная с бóльшим, как говорят при работе с фотографиями, «разрешением». («Более высокое разрешение означает более высокий уровень детализации». Википедия). «Как всякий неисправимый журналист, пишу еще и – «все на продажу» – для внешнего прочтения, – откровенничал я в той, первой книге. – Без этого обстоятельства работа профессионала моего ремесла *не существует*». «Но, – говорится в другом ее месте, – все же при этом подразумевалось, что в первую очередь я пишу для себя. Хочу по возможности приблизиться к тому, как *это было на самом деле*».

«Книга произвела на меня впечатление какой-то неведомой современной прозе ренессансной полноты и жадности до мельчайших подробностей, – написала мне в полуотзыве-полурецензии на рукопись «Шелопута и Королевы» веду-

ший редактор издательства «Эксмо» Юлия Качалкина. – ... И вместе с тем книгу я бы предложила умеренно сократить. Дело даже не столько в фактическом объеме, сколько в том, что вы как бы пишете несколько книг в одной одновременно. И портрет Г.Н. (Галины Николаевны. – *А.Щ.*) заволакивает туманом ваших рассуждений о вас самом, вашей биографии, газетах и журналах, ваших коллегам...».

Святая профессиональная истина! Как коллега Юлии по редакторскому цеху я не мог оспорить ее правоту. Но мне то субъективно хочется, повторю, познать именно, как *это было на самом деле*. Без наблюдений над собой, без размышлений о своей биографии и т.п. картинка, в моем представлении, получается не точной, приблизительной. Более того, моя собственная «жадность к мельчайшим подробностям» (не в них ли и заключается суть *смысла*?) в той книге далеко не удовлетворена. В первую очередь потому, что я сам как автор держал в узде эту жадность. Понимал: она будет помехой и при издании, и при чтении. А мне хотелось быть изданным и читаемым. Тщеславие тут не причем, оно у меня бесконечно стремится к нулю. Для меня важнее, чем даже самопознание, тогда было стремление рассказать о моей Гале. И, конечно, я пошел навстречу справедливым требованиям редакции, сделал сокращения.

Но «жадность» к мелочам, в которых, мне кажется, таится *смысл*, осталась при мне. У меня появилась потребность написать хотя бы одну из «нескольких книг», про которые

упомянула Качалкина. И, может быть, даже возникнет въяве несбыточое, иллюзорное, про что в «Шелопуте и Королеве» я сказал: «При работе над этой вот книгой... знаю: сяду снова за нее завтра – будет одно продолжение, а послезавтра – скорее всего, совсем иное. Какое-то другое слово из последних двух-трех фраз зацепит не ту, что накануне, клетку памяти. И мне уже жаль чего-то ненаписанного *послезавтра*, потому что оно никогда не будет написано. Нельзя дважды прожить один и тот же день».

А вдруг все-таки можно?.. И потянув за кончик уголка воображаемой странички, призрачно мелькнувшей на мониторном экране, может, удастся вытащить из небытия ненаписавшееся когда-то *послезавтрашнее*?

Но в этот раз я не буду столь серьезно озабочен соображениями издаваемости или удобства чтения. А также боязнь не успеть: в моем возрасте нормальному человеку следует всегда иметь в виду такую альтернативу. Я в этом отношении не слишком предусмотрителен (и напрасно), однако в деле с «Шелопутом и Королевой» порой впадал в уныние от одного предположения о безвременном исходе «проекта».

В связанные с ним душевные противоречия вдруг, как чернобыльская авария, влилась горечь неожиданной потери. Умер Володя Чернов, давний, еще с «Комсомольской правды» товарищ, на редкость теплый человек, очень талантливый литератор и редактор. В пятницу был на работе, энергичный, веселый. А утром в субботу его не стало.

Он имел непосредственное отношение к «Шелопуту и Королеве». Вот что он написал, прочтя его первые страницы. «Саша! Идея разговора с ушедшим человеком – потрясающая... Не мог ли бы ты несколько более обширно погрузить нас в твои разговоры с человеком, который ушел, но сейчас рассказывает тебе то, о чем ты не знал и открывается тебе все больше и больше. Заполняя этим, кстати, образовавшуюся в твоей жизни пустоту. Что-то – с налетом даже мистики. Что-то ты вдруг услышал, как она сказала... а нет, это тебе почудилось... Какой-то спор, диалог вы вели в твоём сне. Письма, написанные ее рукой – вокруг них сразу возникает аура бывшей тогда жизни, тех обстоятельств. Ты наверняка вспоминаешь сейчас все детали и вашей любви, знакомства, узнать бы, какой ты ее тогда, в начале, видел, какой она была, о чем и как вы говорили. Смести времена, пусть она сегодня вдруг скажет тебе то, что говорила когда-то. Мне бы, как читателю, очень бы хотелось почувствовать то, что заполняет твою пустоту, окунуться в это тобой овладевающее состояние. Твоя несколько возвышенная манера рассказа – очень для этого подходит, она становится ироничной, а твоей печали нужна ирония, прежде всего по отношению к себе и к тому, что сейчас с тобой происходит. То есть... рассказ о жизни ставшего одиноким человека. Причем человека, которого слегка покалечила и собственная его болезнь, затрудняющая жизнь. Мне нужен рассказ о том спасении, которое к этому одиночке пришло и помогает ему жить. Если я невня-

тен, прости. Я-то хочу услышать ваши нынешние диалоги.

...Попробую еще понятней: сохраняя некую жж-шность, интернетовость рассказа (для своих), внести в него некие сюжетные элементы. Ну... не знаю. Не знаю, в каком ты сейчас состоянии и захочешь ли... Твой В. Чернов».

«Володя, спасибо, – отвечал я ему. – Твои пожелания интересны и полезны, и ты как редактор по-прежнему максималист. Но что-то из того, что тебе хочется, конечно, будет. Это же «Отрывок» – отрывок из того, что не написано, а потихоньку бродит в голове. Весь вопрос во времени: в большом смысле – сколько мне его отпущено, и в простом – «времени не хватает!» Прежде всего, я занят Галиными текстами. Подготовил новую ее книгу, где свел ее рассказы с ее же публицистикой. Мне это интересно, посмотрим, как отнесутся читатели. Кстати, последняя книга «И вся остальная жизнь», по моему мнению, шикарный материал для какого-то умного журналиста, там есть простор для размышлений буквально обо всем. Как говорят на блошином рынке, сам бы носил, да деньги (в данном случае время) нужны.

Володя, всегда ценил и ценю твой вкус и нетривиальное отношение к делу. Буду рад, если удастся последовать твоим советам».

С уходом Чернова увеличивалась образовывавшаяся в жизни пустота. Практически мой ровесник, в отличие от меня – без операций на сердце и без инсульта... Невозможно было не задумываться, суждено ли довершить рукопись до

точки.

Если кому-то кажется, что это авторское кокетство, загляните в книгу или интернетовскую публикацию и убедитесь: при всей нахальной вольности чередования тем, каждая глава и почти каждая подглавка заканчиваются так, как могла бы завершиться вся рукопись. Это было мое единственное композиционное ухищрение. Если что – вот вам готовый мемуар. Пусть хотя бы маленький, десятистраничный, состоящий из первой подглавки, начинавшейся со стихотворной строчки «Собирались наскоро» и завершавшейся риторическим вопросом: «Те тревоги и смятения не напрасны?»

Впрочем, чуть не забыл: тот зачин я позднее переместил на второе место, а следовавшую за ним главку, напротив, сделал начальной. Эту рокировку подсказал мой давний знакомый, писатель Саша Терехов. Однажды я под влиянием какого-то смутного настроения взял и послал ему то, что уже написалось.

...Впрочем, с удовольствием расскажу, как возобновились наши старые дружеские отношения.

В 2012 году не помню уж по какому поводу в нашем отечестве в очередной раз возникла лихорадка футбольно-патриотического ажиотажа. Как все подобные кампании, если не сказать истерии, она выглядела чрезвычайно забавно и невольно порождала вопрос: почему именно страна, в которой *никогда* не было одновременно хотя бы десятка игроков

мирового уровня (в отличие от иных дисциплин) регулярно сходит с ума от предвкушения несбыточного национально-го подвига – совершаемого не разгульной душой, не быстрым разумом и даже не золотыми руками наших умельцев, а исключительно дефицитными природно одаренными ногами именно на футбольном поле?

В размышлении об удивительной иррациональной загадке я вдруг вспомнил, что несколько лет назад читал в одном журнале статью об этом, основательную и остроумную. А ее автором был Александр Терехов. Сашу Терехова я знал едва ли не с первых его шагов в столичной прессе. С тех пор он проделал впечатляющий путь, стал мастером не только журналистики, но и российской литературы. Время от времени у меня возникали деловые поводы снестись с ним, но то ли резоны были несущественными, то ли он умело скрывался от внешних посягательств, – попытки контакта были безуспешны. Я решил в очередной раз попробовать. И, как оказалось, не напрасно.

Вот фрагменты нашей с ним электронной переписки.

Александр Сергеевич, был очень рад вас слышать! Извините, что не позвонил сразу: был на море, а потом старшая дочка оставила записанный телефон у себя дома, а сама поехала жить во Внуково, и никак не мог дожждаться, когда она заедет.

...Я уже шесть лет нигде не работаю, жена работает – у нее крохотный салон оперативной полиграфии.

Пробую что-то писать, но, конечно, как и всем сейчас, это трудно – книг никто не читает, никому это не надо.

Были заходы на экранизацию (на «Каменный мост» от первого канала) и вот сейчас на книжку «Немцы», но предлагают какие-то (символические по моим понятиям) деньги, да и сам подход снять что-то простое и примитивное как-то меня отвращает.

Кто вам помогает с «Обывателем»? Читаете ли вы блоги? Меня социальные сети почему-то ужасно пугают, и я нигде не участвую.

Как складывается сейчас издательская судьба Галины Николаевны? Обращаются ли к вам издательства? Готовите ли вы какое-то издание типа дневников или записных книжечек?

Эссе про футбол я поищу, хотя единственная надежда, что «Знамя» оцифровало тот номер в журнальном зале...

С уважением,

А.Т.

Александр Сергеевич, к сожалению, «Знаменем» оцифровано именно до самого того номера, где было опубликовано мое эссе. Они выложили 1996 год до третьего номера, а текст – в четвертом.

...Почему я спросил у вас про блоги. Я подумал, что по-

мимо «Обывателя», который, так сказать, традиционное издание, у вас наверняка есть какие-то свои личные наблюдения, ежедневные «заметки на полях» – как раз форма блога, мне кажется, они бы получили свою аудиторию и вы бы чувствовали читательский интерес.

Хотел еще спросить: а не пишете ли вы сами про Галину Николаевну? Мне кажется, ваша книга была бы очень важной и интересной. Книга, может быть, не только про писателя, а про вас двоих. Или, может быть, вы пишете воспоминания о ремесле? Сколько воспоминаний связано с «Журналистом». Как вы меня водили к главному редактору, который захотел на меня «посмотреть».

Хотел бы оказаться вам чем-то полезным.

С уважением и благодарностью,

А.Т.

Саша, конечно, твои соображения насчет того, что хорошо бы мне было сделать, справедливы и разумны. Две причины этому мешают. Моя основная цель – в первую очередь обнародовать то, что написала сама Галина. Моя же низкая производительность труда (это вторая причина) не позволяет мне делать что-то еще. (Я имею в виду написание книги, а не блога).

...Да, совсем забыл. Примерно год назад я поместил в «Обывателе» нашу с тобой огоньковскую «переписку» (откопал ее в своих анналах). Запоздало прошу прощения, что

– без разрешения. Я пытался, звонил по этому же телефону, мне сказали, что будет передано (о факте звонка, а не о сути). Но, в отличие от нынешнего раза, контакта не случилось.

Эпиграф:

«Хотел еще спросить: а не пишете ли вы сами про Галину Николаевну? Мне кажется, ваша книга была очень важной и интересной. Книга, может быть, не только про писателя, а про вас, двоих».

Саша, я последовал Вашему совету и стал это делать. Первую главу написал, и начал писать вторую. Во вложении Вы все это обнаружите. Только очень-очень прошу: не относитесь к факту присылки Вам текста как к чему-то обязывающему Вас, даже хотя бы к прочтению его (я помню, как меня расстраивало, когда Галя тратила свое время на чтение рукописей, которые ей приносили и присылали). Мне просто приятно показать Вам, как я ценю Ваше мнение, а, во-вторых, похвастаться, что, несмотря на мои дряхлые годы, я еще пригоден к кое-чему в профессии.

Успехов Вам!

А.С.

Александр Сергеевич, спасибо за доверие. Мне кажется, получится замечательная книга. Мне, конечно, трудно оставаться объективным, потому что я пристрастен. Мне показалось, что вы все еще в поиске и еще сами не опре-

делились, насколько широким делать «охват тем».

Но мне, как читателю, все, что связано с вашей журналистской карьерой, было очень интересно и близко и, наоборот, казалось – как жаль, что вы пишете об этом мало. Все очень любят читать про историю литературного успеха, поэтому все, что связано с первыми шагами Галины Николаевны, ее ростом – тоже очень интересно.

Выскажу только два лишних соображения.

1. Первое, мелкое – два раза (начиная читать вторую часть первой главы и начиная читать вторую главу, про то, как вы пишете) я подумал: вот с этого бы начать.

2. И второе, побольше: учитывая, как трудно вам писать, может быть, отказаться от хронологии и записывать кусками, островами? Где-то острова эти сомкнутся в непрерывную ткань, где-то – нет, не важно. Пусть где-то слово одно, где-то деталь. Такие «опавшие листья». Мне кажется, это упростит вашу задачу, и я бы, как читатель, был только рад, если бы в рассказ о прошлом вторгались ваши дневниковые записи о себе сейчас, о времени, просто о том, как прошел день – это всегда оказывается самым важным и интересным «в конечном счете».

Но я уверен, что вы сами знаете, как лучше, поэтому простите за эти соображения.

С уважением,

А.Т.

Саша, очень здорово, что я написал Вам сейчас, приблизительно на половине дороги. Буду писать, имея в виду Ваши соображения. А первое Ваше предложение – вообще находка: безо всяких трудов резко повысить интересность начала, это дорогого стоит. А начало второй главы пусть останется там же. Потому что у меня есть ощущение, что еще одно начало, в середине, будет вполне нормально.

Спасибо, Ваша поддержка меня воодушевляет. Как писала Галя, «только бы не подвела физика и химия организма». Благодарю.

Вот я и рассказал, как два отрывка рукописи поменялись местами. Но все равно начало снова открывается стихотворной строчкой «Если жизни тупое лезвие...», а заканчивается главка вполне «итоговой» фразой: «мне было дано понимание: вот она, в моих руках, нить моей божьей планиды».

Когда, уже во второй части работы, я все же порой осмеливался перенести окончание каких-то микросюжетов в последующую подглавку, то ощущал себя, пока их не завершу, как при переходе шумной улицы в неположенном месте: нечто вроде русской рулетки.

Но всё, всё... Хватит уже о прошлой работе. Пора сосредоточиться на «незримом мире смысла», или, как написано на обложке этой книги, на «Шелопуте и фортуне».

II

Что *это*: откуда-то нисходящие знаки приятия написанного или шпартгалки, подсунутые из соседствующего пространства?.. Просто в совпадения уже не верится.

Поясню. Кажется, впервые я начал рукопись с предполагаемого заголовка. Набрал строку: *В незримом мире смысла*, повинуюсь как раз не *смыслу*, а чему-то интуитивному. «В порядке бреда» скажу: возможно, сыграла роль ритмика. «В незримом мире сердца» – «В незримом мире смысла». В обоих случаях в последнем слове – два слога и одинаковое количество букв и звуков.

Далее было так. Отойдя от компьютера, залег возле телевизора и занялся заппингом, бессмысленным переключением четырех десятков каналов. В большинстве случаев это мне не мешает думать о своем. И тут мой бессмысленный взгляд остановился на чем-то вполне разумном. «Рабиндранат Тагор». Это был четырехтомник, которого я обыскался примерно полгода с лишним назад. Он мне понадобился в работе над книгой в связи с воспоминаниями о повести «Вам и не снилось», об одноименном фильме и о написанной к нему песне на стихи именно Рабиндраната Тагора. Я не смог найти книги, пришлось обойтись интернетовской копией.

А вот сейчас с одной из нижних полок (как можно было не заметить?) из промежутка между четырьмя томами «Ага-

сфера» Эжена Сю и «Памятниками литературы древней Руси» прямо на меня глянул знаменитый индийский нобелиат. Я ковырнул том – он не подался, его держала стенка дивана. Ковырнул второй – то же самое. И только четвертый пошел мне в руки. Как раз там и оказался роман «Последняя поэма», стих из которого послужил основой любимой многими песни. Я раскрыл книгу на первой попавшейся странице и наткнулся на такой разговор.

«– Знаешь, Джоти, в жизни все непросто. Слово, которое в словаре имеет только одно значение, в жизни может иметь полдюжины. Ведь и Ганга, приближаясь к океану, дробится на множество рукавов.

– Уж не хочешь ли ты сказать, – подхватил Джоти, – что для тебя женитьба не есть женитьба?

– Я хочу сказать, что слово «женитьба» имеет тысячу значений. Оно приобретает значение только в жизни человека. Убери человека, и смысл слов будет утрачен.

– Какое же значение вкладываешь в это слово ты?

– Это нельзя передать. Это можно только пережить. Если я скажу, что главный смысл слова «женитьба» – любовь, мне придется определять слово «любовь», а то, что называют любовью, еще теснее связано с жизнью, чем женитьба.

– В таком случае вообще не о чем разговаривать. Если мы будем гнаться за смыслом, изнемогая под грузом слов, и смысл будет увиливать от нас, а слова – уводить в сторону, мы ничего не добьемся.

– Молодец! Я таки научил тебя искусству владеть словом. Слова совершенно необходимы, если хочешь, чтобы жизнь хоть как-то продвигалась вперед. Но поскольку слово не может вместить всех значений, в повседневных делах приходится обходиться неполноценными понятиями. Что же делать? Конечно, полного взаимопонимания при этом не достичь, зато, хоть и вслепую, мы осуществляем наши намерения».

Я никогда раньше не читал эти слова. Я безотчетно придумал название будущего опуса, повинувшись какому-то туманному шевелению в голове. Но как только оно, название, напечаталось буквами, в тот же день, еще до заката солнца, мне стало ясно (как раз посредством этих слов), о чем пишу.

А именно.

Сколь тщательно не подбирай лексику, «слово не может вместить всех значений, в повседневных делах приходится обходиться неполноценными понятиями». Равно как и в любых описаниях этих дел. Хочешь-не хочешь, с этим приходится мириться. И как в таком разе осуществить желание понять и выразить, *что бывает на самом деле?* Увы, никак, если речь о внешнем мире: врожденная гибкость слов, их природная приблизительность в отношении к смыслам создает между ними люфт содержания, зазор, куда запросто протиснутся и неточность, и неправда, и ложь. Не будешь же, в самом деле, изъясняться в журналистике или литературе научными однозначными терминами.

Но мне кажется, в красивом доме, выстроенном из слов, должна существовать лазейка в подполье сути – не окружающего, а внутрличеловеческого мира, ведущая тебя (меня) к тебе (ко мне) самому. Или, как любят выражаться философы, к «Я».

Ох, какая, наверно, занятная штука – понять, познать, что на самом деле есть... я! Здесь наверняка бесполезен мозговой штурм крепости здравого смысла. Слова, троянские кони очевидности, а то и тривиальности, заведут в дебри софизмов и представят замороженному рассудку «беспристрастную» картину: «Я и Среда». И не подкопаешься!

Как нелюбимы мной – из-за невинного по большей части вранья – большинство мемуаров, в том числе и моих собственных *воспоминаний*. Именно *воспоминаний* – пусть порой и очень незаурядных, даже великих людей. Они как бы свидетельствуют о правде, на самом деле воспроизводя картины из собственной памяти, к тому же обрисованные неоднозначными, скорее всего обманными, точнее – приближительными словами. По сравнению с таким «документализмом» выдуманный рассказ маститого или, напротив, начинающего беллетриста, создающих новорожденную «другую реальность», – истинная подлинность, еще не преломившаяся ни в чем субъективном восприятии.

...Да, не штурм, а осада – вот, может быть, более верный путь для затеи под девизом «В незримом мире смысла». Мой «план Барбароссы» заключается в следующем.

В хаотичном порядке, как возникает в памяти (то есть в беспорядке), я излагаю нечто происшедшее в моей (а значит, и нашей с Галиной) жизни, по возможности безоценочно, без разбора важности, интересности, причинности, влиянии на что-либо последующее (минувшее) и т.д. И, может быть, отсутствие просматриваемой разумом цели оградит от соблазна «поддавок», невольного отбора «выигрышных» эпизодов, их выстраивания в плановой логике и т.п.

И тогда, как знать, свободная от авторского или редакторского замысла, вообще от сознательной закономерности мозаика случаев, наблюдений вдруг представит... что? Может быть – пусть приблизительную, но с надеждой на «как есть» личность мемуариста? Или прояснит некоторые пружины жизнедеятельности? Например: какие силы соединяли в чем-то разные сущности – меня и Галю? А какие – работали на разрыв, однако не смогли преодолеть случившуюся спайку.

Или эта мозаика не покажет... ничего. То есть просто беспорядочность, сумбур, взывающий к канонам отвергнутой (сдуру?) Логики.

По мне – занимательно и то, и другое, и третье...

На другой день после случайного обнаружения томика Тагора электронная почта принесла дело, какие я отношу к разряду неотложных. Ида Яковлева, вдова не так давно ушедшего из жизни бывшего редактора ростовского «Комсомольца»

Бориса Яковлева, с которым и меня, и Галину не раз сводила судьба, собрала книгу его сочинений, соединив вместе с ними воспоминания о нем самом. Она попросила взглянуть редакторским глазом на состав и построение сборника.

Читая одну из статей Бориса, посвященную русскому языку, я невольно завис над одним абзацем.

В окончании «Шелопута и Королевы» есть размышление о высказывании философа Мераба Мамардашвили о «мертвых отходах жизни», ее околичностях, часто не оставляющих места для подлинности. И вот я читаю сочинение Яковлева: «Один из самых крупных философов конца минувшего столетия Мераб Мамардашвили в своих лекциях о Марселе Прусте так высказался...: «Для каждого нашего жизненного состояния всегда есть его дубль. Мертвый дубль. Ведь вы на опыте своем знаете, как трудно отличить нечто, что человек говорит словесно, – не испытывая от того же самого, но – живого. Почему трудно? Потому, что слова одни и те же, и вы, наверное, очень часто находились в ситуации, когда в силу какого-то сплетения обстоятельств, слово, которое у вас было на губах, вы не произносили, потому что в то же самое мгновение, когда вы хотели сказать, чувствовали, что сказанное будет похоже на ложь».

Вряд ли бы я обратил внимание на совпадение одной и той же персоны в разных текстах, если бы это высказывание не касалось именно соотношения слова и смысла. Мне хотелось здесь избежать банальности, а именно, цитаты: «Мысль

изреченная есть ложь». Но, как видите, не удалось. Она выскочила по обратной аналогии с наблюдением: запечатленная буквами мысль *вызывает* – не в голове, ее породившей, а в реальной действительности – как бы о материализовавшихся ее подтверждения (обнаружилась книга Тагора, казалось бы утерянная; затем – статья, подоспевшая, словно по требованию в поисковой системе. И то, и другое подсказывало мне разумность мотива еще не написанной книги, само собой выпорхнувшего из ее предположительного названия).

Какую радость что-то подобное вызывало у меня в начале работы над «Шелопутом и Королевой». А в конце – уже некое тихое недоумение. Все же *что это?* Откуда?..

Я человек не слишком просвещенный. Картина моего образования похожа на испещренную пробоинами перфокарту, где каждая дырочка соответствует проколу в том или ином знании. Слава Богу, они ни разу не выстраивались в критическую линию отрыва (или *отреза?* Так написано на приходящем по почте счете за телефонные услуги; *жировки* – как именовала моя бабушка Вера Максимовна такие долговые документы)... Но когда перед пересылкой в издательство перечитывал рукопись «Шелопута...», обнаружил перебор ссылок и цитирования разных мудростей. Я к этому точно не стремился. Но верьте мне, люди! Я ничего специально не искал (ну, почти не искал). Перед тем, как уложиться на бумагу (дисплей), все «умное» почти всегда само просилось на нее. Из газеты. Из «Эха Москвы». Из «Белой студии» (ка-

нал «Культура»). Из только что обнаруженных почеркушек Галины. Из выпавшего из стопы журналов «Огонька» допутчевого периода... Много из чего – только успевай записывать и проверять. Но главное, повторю, сведения поступали, как из рук догадливого, исполнительного референта, точно к сроку их *естественного* появления в тексте. И это самое непостижимое.

Я не любитель надувать щеки ни по какому поводу. Не будешь же с такими ходить до конца жизни. Поэтому еще в той книге хотел просто признаться в своей авторской «везухе». Но потом меня одолела (обуяла?) гордыня. «Шут с ним! – подумал. – И пусть кое-кто заподозрит, что у Щербакова не голова, а Дом Советов». Согласен, шутка так себе, но точно из категории советской бытовщины, в которую мы были погружены с самого рождения.

...Пожалуй, уже хватит удивляться подсказкам, приходящим пишущему человечку разве что не из утюга. Вот обычный телевизор. Передача «Тем временем», тема – философия счастья. Включаю, и первое, что слышу: «Человек – это существо, уязвленное смыслом. Если человек не видит смысла, он не может быть счастливым» (протоиерей Андрей Лоргус, ректор Института христианской психологии). Вдохновляющее изречение, вновь усаживающее меня перед файлом «В незримом мире смысла». Но...

III

...Как я не зарекался всецело отдаться принципу «Плыви мой челн по воле волн», еще в середине предыдущей главки передо мной замаячила тема: звуки. Увы (в противовес замыслу), очень логичная: со звуков, шума, некой загадочной песенки началась вся эта история. После такого зачина естественно было бы перейти именно на музыку (а с нею в жизни незримо связано многое...).

Однако не случайно предыдущая главка кончается противительным союзом «но».

Все остановилось. Мало того, что, зная тему, я никак не мог сложить подходящую к продолжению начальную фразу. Не было самого импульса, подталкивающего «руку к перу, перо к бумаге». Я предположил, это связано с особым для меня временем: приближался день рождения Галины. Но он прошел, однако рукопись все так же не давалась.

И я занялся давно задуманным сборником воспоминаний о Галине ее родных и друзей. Это дело пошло споро и... со вкусом.

Параллельно с ним я занялся выяснением ситуации четырехлетней давности, связанной с важным моментом Галиной и моей жизни. В последние дни работы со сборником как раз и раскрылось то, до чего хотел дознаться. Стало ясно: книжка воспоминаний должна закончиться очерком, как приня-

то говорить у судейских, о «вновь открывшихся обстоятельствах».

Я написал этот очерк. И тут же все разблокировалось: вновь потянуло к файлу «О смысле», слова стали собираться в подходящие предложения.

А вот тема звуков, музыки ушла куда-то в туман, подальше... Вместо нее в «Мир смысла», то есть в эту рукопись, как раз и встал этот очерк – послесловие к упомянутому сборнику воспоминаний.

Вот оно.

«10 мая всегда бывает теплая и солнечная погода. Так было и в 2014 году, когда в день рождения Галины по традиции собрался в традиционный же час «узкий круг» (от двадцати до тридцати персон) ее родственников и друзей.

Говорили о том, *что* не вспомнилось ранее, читали кое-что из ее прозы, подекламировали любимые стихи. В разговорах подчеркнуто, со вкусом пользовались полюбившимися когда-то ее «фирменными» словечками и выражениями, как приветными, так и колючими... Расходиться не хотелось.

И тут кто-то спохватился:

– А где же Гета из Волгограда?

– Да, действительно, почему ее нет?

Меня самого время от времени укалывал этот вопрос. Задолго до даты она в разговорах не раз заверяла, что уж на «Галин день» непременно придет, тем более что маятное для

нее, но необходимое лечение как раз подходило к концу. И я накануне этого дня и в течение двух суток после него обрывал известные мне ее телефоны и в Москве, и в Волгограде. Наконец на третий день она объявилась сама. По скайпу. У нее уже был куплен билет в Москву, но вдруг забили тревогу «пользующие» ее врачи и срочно забрали Гету на еще одно, дополнительное обследование.

Конечно, ничего веселого в этой информации не было, но по контрасту с опасениями, произвольно рождавшимися в мнительной башке я испытал облегчение и радость. На этой волне и сообщил важную для меня новость, которая не должна была оставить и ее равнодушной.

...Накануне моего дня рождения мне позвонили с одного центрального телеканала и сказали, что там намерены сделать документальную ленту о том, как рождался фильм «Вам и не снилось». В связи с этим попросили найти кассету с исходником телеинтервью Галины Щербаковой 1992 года, которое ныне бытует в Rutub. Я нашел и не удержался – еще раз посмотрел. А потом то ли задумался, то ли на что-то отвлекся, не выключив видека. И когда минут через пять к нему вернулся, то в удивлении замер: на экране была Галя, в нашей кухне хлопчущая по своим хозяйским делам.

Я и не знал, что на пленке через сколько-то метров пустого шума оператор, она же именно наша стародавняя подруга Гета Перьян, засняла еще и разговорчики Галины с закончившим свою работу интервьюером Олегом Сидоровым, и

ее приготовления к чаепитию... И самое главное – приход Кати с Алисой...

Я не знаю, был он случайным или запланированным телевизионщиками (во всяком случае, по ТВ он не был показан), отдаю себе отчет, что все снято вовсе не скрытой камерой, но... для *меня* это – фрагмент «живой» жизни. Осколок счастья.

Какие же они были милые, какие солнечные людишки (это давнее, с дошкольных лет, Катино слово), наши дочь и внучка.

Об этом я и сказал в майском разговоре с Перьян. Спросил, помнит ли она ту запись. «Ну, как это запомнишь при ежедневных съемках в течение множества лет?» – «Тогда посмотри отрывочек из нее на сайте «Комсомольской правды».

На другой день Генриетта снова связалась со мной. И опять в очередной раз выразила давно тревожащее ее недоумение: как хороший человек, запечатленный на пленке, породил такую вещь, как «Мама, не читай»? Надо сказать, что Гета знает Катю едва ли не с годовалого возраста. И для нее, человека доброго и справедливого до болезненности, думаю, были одинаково близки и Галя, и Катя. Я ответил: «Хорошо, что Галя так и не узнала, о чем именно эта книга». «Как это не узнала! – вдруг – не сказала! – выкрикнула Перьян. – О чем ты говоришь?..»

И тут начинается главное.

Мы с Галей были в курсе того, что Катей сочинено некое произведение, касающееся нашей семьи. Отношения с ней были уже разладившиеся, и, сказать честно, мы не стремились (если не сказать – избегали) узнать его суть. В большой мере это было связано с обстоятельствами ее отъезда в Израиль.

В тот год она со своим новым мужем посетила США. И перед отлетом заехала к нам, отдала на время их отсутствия ключи от квартиры, где они жили. Родственные отношения, по крайней мере во внешних проявлениях, не прерывались. Тем неожиданней стало пришедшее через какое-то время известие, что наша дочь покинула Москву, страну, родителей. Ушла «по-английски», не попрощавшись.

Известие это пришло от внучки Алисы. Она тогда оказалась в растерянности: старшие Шпиллеры (фамилия Кати по ее второму мужу) уехали, забыв или не захотев заплатить за ее медобслуживание в поликлинике, дай Бог памяти, на улице Грановского. А ей как раз понадобилось что-то врачебное. Ясное дело, мы на ближайший год продлили ее медабонемент (конечно, с удовольствием: это же наш свет в окошке, Ляська). Вот так и узнали о перемещении Екатерины на землю обетованную.

Кстати, в ту пору еще не раз молодая семья Шпиллеров предоставляла нам возможность проявить какую-никакую заботу о любимом нашем существе. Об Алисе. Я говорю это «на полном серьезе», без малейшей тени негативной эмо-

ции, напротив – с отрадой. Недремною частью нашего сознания (с трехнедельного возраста, с фатального, как нам мерещилось, отставания привесов младенческого организма вплоть до стопроцентного девического формирования) стал нестираемый файл под именем «Ляся».

Поэтому, когда, к примеру, Евгений Шпиллер позвонил и сказал мне, что ни он, ни Катя не пойдут на поводу каприза Алисы и не будут искать ей квартиру, я только обрадовался.

Вот что было перед этим. В доме на Шаболовке, где Алиса, тогда еще Климова, жила на съемной квартире, случился пожар. Ее жилье он обошел, но оно оказалось заполоненным гидрантовой водой и смрадным запахом гари. А также Алиса говорила, что после происшедшего ей там страшно жить.

Я с энтузиазмом занялся проблемой и вскоре с помощью очень любезных риелторов Марины и Алексея нашел хорошую квартирку по улице Гарибальди. Мне понравилось и вполне интеллигентное лицо ее владельца, хотя и служил он где-то в ФСБ. Алиса прожила там несколько лет, сначала одна, потом с мужем. Тот, кстати, первое время жил у нас, поскольку был выписан Алисой из города Мурманск, а в Москве, кроме нашей внучки и нас, у него никого не было.

Возвращаясь к не слишком деликатному расставанию с нами и к сочинению нашей дочери, логично было предположить, что ее образ действий был предопределен *уже* написанным ею текстом. «Я знаю силу слов»... Тем более – отворотных, ругательных.

Значит, так тому и быть. Что с возу упало, то пропало.

Так я думал (и как оказалось, правильно), даже доподлинно не зная – ибо и не хотел ее знать – ту муторную «литературную» ситуацию. Я не сомневался, что и для Галины ни при каких обстоятельствах невозможно прилюдное выяснение семейных отношений. Знание скандального текста, таким образом, ни мне, ни ей было ни к чему.

И четыре года я был убежден (и убеждал других – близких и не очень, в разговорах и в своих публикациях): Галя до конца жизни не ведала, что она ведет бесстыдно безнравственную жизнь, что она убийца – по крайней мере живых человеческих чувств и т.д. и т.п. Я, конечно, не выдавал ей свою интуитивную догадку, что эти лексемы рождались в хорошенькой головке еще тогда, когда она украшала наши общие фотографии в родственной близости от двух изрядно поношенных временем лиц.

Мне казалось, я этим отчасти оберегаю Галину от нависшей гари случившегося в семье пожара. И вот через четыре года узнаю, что эта «кажимость» оказалась только видимостью...

– ...Галя просто изводилась от того, что про вас написала Катя. Только от тебя таила.

– Откуда она сама узнала? – спросил я у Генриетты Перьян.

– Она мне говорила, но я забыла имя. От вашей знакомой.

То ли московской, то ли подмосковной, дачной.

– Гета, уточни: Галя тебе говорила про известный ей факт публикации или о ее содержании?

– О содержании, конечно.

Эта весть переворачивала в моей голове столь многое...

Однако инстинкт газетчика преоборол все.

– Ты мне можешь об этом написать?

– О чем?

– О том, что она рассказывала. Или только просто о факте, что Галя знала содержание сочинения... Ну, как в обычном житейском письме.

– Ты же знаешь, я не умею писать.

– А еще я знаю, что ты грамотная.

Мы практически поссорились. Но, в досаде отключив скайповский канал, я знал: это не смертельно. Мы ведь связаны одним световодом – любви к Гале... И я подумал: напишет – хорошо; е.б.ж. – в какой-нибудь биографии Галины добавится существенное обстоятельство. А не напишет... То, не исключено, *этого* и не было?

Возможно, я страдаю разновидностью профессионального идиотизма, но считаю, что степень истинности ссылок «я слышал», «я помню», «я уверен», «зуб даю» и т.п. не составляет и десяти процентов. Да что там, гораздо меньше. Отношу это и к собственным словам типа «Как сейчас помню». Всякий раз такое уверение вызывает у меня самого холодок за спиной. Никогда бы не мог свидетельствовать на Библии.

Ведь поклясться можно лишь в одном – что ты не лжешь, не обманываешь, и все. Но не глупо ли при этом рассчитывать на *правду*? Мы знаем только то, что осталось в контуре сознания, в памяти. А это редко совпадает с тем, что *было*. Потому что главное – *как было*. А вот тут память – и обманщица, и сочинительница, и, скажем так, досказчица.

(Предыдущий абзац повторяет другими словами изображение, высказанное здесь десятью страницами ранее. Но тут уж ничего не поделаешь. Рукопись, выпущенная на свободу из авторских рук, – в данном случае – послесловие к сборнику – мгновенно переходит в статус документа. А я к такому отношусь весьма почтительно, в отличие от воспоминаний.)

Короче, я был склонен к тому, что если Гета не решится написать письмо на известную нам тему, то... пусть она, тема, и останется такой, как я представлял ее последние четыре года.

Впрочем, надо было сделать еще два звонка.

Первый – в связи с названной Генриеттой женщиной, предположительно из Подмосковья. Если я не ошибаюсь, последнее интервью Галина дала корреспонденту газеты из города Пушкино. Не могла ли та поделиться с писательницей деталями литературных успехов ее дочери? У меня не было глупой цели выявить, от кого именно жена получила соответствующую информацию. Я хотел лишь достоверно знать, действительно ли она дошла до нее или нет.

В Галиной записной книжке я нашел телефон этой журналистки. Ее зовут Надя. Я сказал ей о цели своего звонка. И мы быстро выяснили, что на момент интервью Галина не имела понятия о содержании сочинения Шпиллер. Разговор о детях был, но совсем другого толка, чем с Гетой Перьян.

Мой второй звонок был к Ольге Арнольд, человеку, который последним, кроме меня, разговаривал с Галей. Мне показалось, Ольга немного удивилась предмету беседы, вернее, тому моему неведению, которого она предположить не могла. И, дабы исключить возможность какого-либо недопонимания, прислала мне письмо. Вот отрывок из него:

«К несчастью, в ту тяжелую зиму, последнюю зиму ее жизни, когда Галина Николаевна и так чувствовала себя скверно, в интернете появилось произведение ее дочери Екатерины под названием «Мама, не читай!» <...> Зачем Катя это написала? У меня есть по этому поводу свои соображения, здесь им не место, ну да бог ей судья. Так как Галина Николаевна к компьютеру и близко не подходила, то можно было надеяться, что она об этом не узнает. Но – узнала. Одна знакомая позвонила ей, чтобы выразить возмущение этим скандальным творением и предложить свои соболезнования.

Эта дама не отличалась особым тактом и не понимала, что она не находится с Г.Н. в отношениях столь близких, какие оправдывали бы вмешательство в ее личную жизнь. Она обо всем ей и рассказала. Естественно, Галина Николаевна очень переживала по этому поводу; мы с ней беседовали об

этом, по ее инициативе, я сама никогда бы не решилась поднять эту болезненную тему – и какое тут могло быть утешение? Последние дни ее жизни были омрачены этим знанием о неблагоприятном поступке дочери... Как теперь выяснилось, она не говорила об этом с Вами в надежде, что, может быть, каким-то чудом Вас эта новость минует... Вы всегда были у нее на первом месте, точно так же, как она – у Вас».

...Сюжетосложение как у О.Генри: Он оберегает Ее от ранящей молвы, Она – Его, в итоге – ситуация обоюдного безмолвия, никого и никак не спасающая.

В том мае переменилось *ВСЕ* в нашей жизни 2010 года. Не для Гали – для меня. Все те же самые обстоятельства, детали. Но они же – и другие, если уяснить, что это обстоятельства *ухода* – сознательного. Мне предстоит их пережить снова – и по-новому.

Вот одна из этих деталей.

В самые последние дни свои (я не предполагал, что они такими станут) она дважды сказала мне: «Какой же ты красивый». Я сердился на нее за это. Не мог понять, что это ее последний дар в сокровищницу счастья моей жизни. А она, наверно, подумала: «Какой же ты дурак...»

Несколько материалов подготовленного мной сборника были впервые опубликованы в третьем номере ростовского

литературного журнала «Ковчег» за 2012 год. Они – о ранней студенческой поре Галиной жизни. Так вот, один из них тогда был перед печатью почти на четверть укорочен. По моей вине (или заслуге?). Был удален отрывок, связанный вот с каким посылом: «Гали нет, и это вина в том числе ее непутевой больной дочери. Не выдержала Галина душа предательства самого родного человека – и ее не стало».

Я не считал и не считаю нашу дочь непутевой. Просто у каждого человека, находящегося в здравом уме, свой индивидуальный путь, который он для себя избирает и за который единолично несет полную ответственность. Это неотъемлемое право личности. Я же, когда мне редакция «Ковчег» прислала подготовленные к номеру публикации, пользуясь правом близости к их героине, не счел возможным допустить предъявления кому-либо в публичной сфере обвинения в гибели человека. По многим причинам. И в первую очередь потому, что не считал его доподлинным. До недавнего времени, до мая 2014 года, я, как мог, старался заслонять память о Галине от мелодраматичных, а потому, как мне казалось, пошловатых, «малаховоподобных» сведений, связанных с ее смертью. Единичные посвященные в эту Галину тайность люди, верные данному ей слову о молчании, даже спустя столько лет неохотно заговорили об этой ее горести.

...Многие основополагающие смыслы нет надобности добывать из «тысяч тонн словесной руды», они извечно суще-

ствуют целенькими, как самородки. Это трюизмы (они же – избитые истины). Один из них: все тайное обязательно станет явным.

IV

Вот, может быть, первостепенное знание, ставшее явным в самое последнее время: я любил свою дочь. Не только когда она в двухнедельном возрасте крутила головенкой, оглядывая потолок и стены своего первого жилища, и снисходительно улыбалась нам с Галей. И не когда я с чувством отрадного облегчения, воспользовавшись ее недомоганием, умыкнул ее, четырехлетнюю, с детсадовской дачи «Ёлочка» и дал слово, что никогда больше не позволю увезти ее ни в какое казенное место. И когда... – «ну, как сейчас помню» – ... было еще и то, и другое, и третье... Двадцать пятое и тысячное...

Не об этом речь. А о том, что во мне много лет жила, не находя исхода, нервная энергия обиды, ни на миг не отпуская с того часа, когда я получил от нее (между прочим, не от подростка, а уже самой матери девчонки-подростка) письмо с подписью «ваша бывшая дочь». Я ведь не знал, что уже возвращается творение «Мама, не читай», и наивно полагал эту подпись недоразумением.

Но и не об этом я сейчас хочу сказать. А о том, что в тогда, в мае 2014-го, *вдруг* (иезуитское словцо, как бы освобождающее от объяснения причин), *внезапно* иссякло напряжение обиды. И я, с непривычки недоумевая от новизны состояния, понял (*вдруг!*): нет больше... *любви!* Это как тишина, изред-

ка вытесняющая непрерывный кровесосудистый шум где-то внутри, за барабанной перепонкой, давно ставший обыкновением.

Именно так и распознал, что она, любовь, *была*. По выпавшему светящемуся перышку можно судить о пролете, увы, упорхнувшей Жар-птицы (незабвенный «Конек-Горбунок»). Только от неподдающегося определению «чувствования, чрезвычайно разнообразного по содержанию и силе» (Брокгауз и Ефрон), то есть от любви, и больше ни от чего, могла заряжаться батарейка того душевного уязвления: по характеру от природы (в отличие от Галины) я необидчив.

Новый психологический «статус вивенди» подтвердил простой эксперимент: я подумал о «Мама, не читай» – и не мельком, не опасно, как бывало, а «с чувством, с толком, с расстановкой». И не испытал, как прежде, импульса непреодолимого отталкивания, ощущения невозможности прикоснуться – как к лепре. Остался холодным, как собачий нос. Более того, подумалось: «Надо бы прочитать».

Впрочем, это вряд ли.

Чтец я уже никакой. Дикий человек. Галя меня бы не узнала. Пробавляюсь сведениями о литературных новинках – надо же быть «в курсе» – от убогих хроник книжных обозревателей. Отчасти это связано с глазами. Трудно им сладить с книжными текстами. На компьютере я имею дело с двадцатым кеглем, да еще и увеличиваю формат страницы на 40 процентов.

Чтение, почти всю жизнь бывшее развлечением и удовольствием, после инсульта стало работой. А работоспособность все по той же причине понизилась в разы. Вот и выбирай, как говорил один персонаж Льва Кассиля, два из одного. У меня на первом месте всегда Галина: все, что относится к ее сочинениям, их публикации и памяти о ней. Далее – поддержание какой-никакой жизни в интернет-журнале «Обыватель». Потом – мои писания наподобие этой рукописи, объективно необязательные, а потому сплетенные с укором совести: они отодвигают дела, связанные пусть с неблизкими, но хорошими людьми (прочитать написанное ими, нацарапать рецензию, дать совет и т.д.). Как в анекдоте: чукча не читатель, чукча писатель.

Короче, всякое «факультативное» чтение отодвигается в некую желательную, а, скорее, мечтательную жизнь. В первую очередь мечтания эти касаются хотя бы 10-15 книг, которые по справедливому мнению умных людей должен прочитать всякий культурный человек и до которых у меня до сих пор не дошли руки. Я, заметьте, не говорю уже о том, что эти же умные люди часто рассказывают, как они самые лучшие книги прочитывают по много раз, всегда находя в них что-то новое для себя. Я, трезво мыслящий субъект, об этом и не мечтаю.

Впрочем, нет. Очень хочу перечитать «Униженных и оскорбленных». Эта книга ввела меня в сладострастную достоинщину, восприняв которую, до конца оставляешь ее в

себе. Вот в чем мне очень хочется разобраться: еще более умные и уважаемые мной люди то и дело толкуют о славном пятикнижии Достоевского. А «Униженных и оскорбленных» всегда обходят в своих рассуждениях, как будто бы их и не было, видимо полагая, что это литература второго разбора. Мне же роман показался образцом беллетристики. То есть прозы, может быть, не искрящейся философскими, трансцендентальными, социальными откровениями, но замечательно проявляющей чисто писательские, повествовательные качества авторов. Для меня, читателя-обывателя, они не менее (да скажу откровенно – более) дороги, чем пророческая высоколобость. «Искусство должно быть средством воспитания, но цель его – удовольствие» (Бертольд Брехт). Убежден, что и цель литературы – тоже удовольствие. Все прочее в ней – пусть и прекрасные, но сопутствующие обстоятельства. К тому же часто вовсе и не мешающие получению удовольствия.

...Воцарившаяся в душе без-обидность отбросила висевшее надо мной неизъяснимое табу и дала простор какому-то обновленному восприятию сущего.

Даже не знаю, с чего начать.

Вот три фразы нашей Кати из ее краткого представления своей книги. «Оказывается, можно уничтожить (убить) нелюбовью. Как это страшно! Люди, будьте бдительны!» Это упрек Гале. Главное слово – «нелюбовь». Это понятие, как

я догадываюсь, лежит в основе всего труда. Ну, а меня занимает не существительное в целом, а только морфема «любовь». Это же антоним «нелюбви»? То есть содержательно они совпадают – но с противоположными знаками.

Любовь, любовь... По признанию литературной критики, Галина – «фирменный» писатель-толкователь этого загадочного чувства. И, конечно, в книжке «Шелопут и Королева» я уделил ему много страниц. Но, честно, даже приблизительной ясности в его понимании не постиг. Как это у Рабиндраната Тагора: «Если я скажу, что главный смысл слова «женитьба» – любовь, мне придется определять слово «любовь», а то, что называют любовью, еще теснее связано с жизнью, чем женитьба». И, добавлю, еще более запутанно. Вот подтверждение тому.

Было так. Я на поводу вышеупомянутой обиды поделился в интернете вопросом, до сих пор тревожащим меня: что же наша дочь так и не приехала на похороны своей мамы? И получил обширный ответ от... Евгения Шпиллера, второго супруга Кати. Вот наиболее содержательный отрывок из него.

«...Ни вы, ни покойная Галина Николаевна попросту не любили свою дочь... Вы хоронили своих родителей, и считаете, что этим вы отличаетесь от животных. Я тоже считаю, что вы отличаетесь от животных, но не этим. Главное ваше отличие, на мой взгляд, – это отсутствие такого «животного» чувства, как любовь к своим детенышам. Причем, если у самцов такое иногда случается, то у самок никогда. У вас

с Галиной Николаевной это случилось на пару...

Умные родители, лишённые любви к собственным детям, хотя бы стараются имитировать это чувство...» И т.д.

Это я к чему? К тому, что у Галины в её художественных сочинениях и публицистике есть своё толкование любви, у Кати – своё («нелюбовь» – некая пустота, но ведь занявшая место, предназначенное для реального сущего чувства?), у Шпиллера – это материнский или отцовский, короче, тварный, физиологический инстинкт. И не мудрено. Даже в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона конца девятнадцатого-начала двадцатого века отмечены четыре вида любви: половая, кровная-родственная, общечеловеческая и духовная. А уж в нынешние справочники страшно и заглядывать – чуть ли не десятки разновидностей понятия. Редкий учёный-гуманитарий не попытался внести в эту всемирную копилку свой скромный (или нахальный) вклад.

Очень показательный пример, как одно *слово*, будто щедрый источник, расточает множество речек – *смыслов*. Дочапаться до некой единой сущности любви, наверное, ещё труднее, чем даже до первоосновы микромира или, напротив, вселенной всех вселенных (она, как нам объясняют учёные люди, одна, общая).

Но это не лишает права всякому размышлять о сем предмете, о его природе и судьбах. И кто знает, может быть, это самое увлекательное размышление в жизни.

Мне хочется воспользоваться этим правом.

Видимо, все-таки есть, есть какая-то всеобщая основа всякой любви, пусть пока и непостигаемая людским разумом. Недаром в Библии так часто встречается это слово, особенно в Новом завете. Не только про супружескую любовь или к своим чадам, или к братьям нашим меньшим, не только к ближнему своему или к Богу, но про любовь как таковую в ее всеобщности, универсальности. Апостол Павел в своих посланиях посвятил любви целую главу. И открыл ее серьезным предостережением: «Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я – медь звенящая, или кимвал звучащий». Другими словами не человек, а погремушка.

Но вот про что не сказал апостол (то ли сам не испытывал такого, то ли жанровые рамки культового поучения не позволяли): в злосчастном, неуважаемом положении «меди звенящей» человек может ощутить... свободу, которая ему заказана, когда он – любящий. Это – мой случай в отношении к дочери: благо освобождения от бремени обиды (которая, конечно, не грех, но чувство канцерогенное, вытягивающее из души жизненность) пришло благодаря утрате любви. Казалось бы, может ли быть какая-то утрата благом? А вот поди ж ты...

Но вот что еще сказал апостол Павел: «Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится». Если моей рукописи суждено быть дописанной и, может быть, предъявленной людскому

суду, я, не исключено, смогу поведать, как узнал и поверил (вопреки сказанному в предыдущем абзаце), что «...никогда не перестает». Сейчас же достаточно повторить себе самому, и для соблюдения логики изложения, и для подтверждения собственной уверенности, что знание это накапливалось долго и независимо от собственной воли.

Итак, я – и «медь звенящая», но, можно сказать, посвящен и в то, что «никогда не перестает». И, может быть, по этому сочетанию могу подойти под микрожизнеописание, приведенное апостолом в той же главе: «Когда я был младенцем, то по-младенчески говорил, по-младенчески мыслил, по-младенчески рассуждал; а как стал мужем, то оставил младенческое».

Я обалдеваю, а можно даже сказать – благоговею, от речевого слога библейских апостолов, и в первую очередь от снайперского словоприменения. Вот Павел написал – «... а как стал мужем», и я бы никогда не смог применить его мысль к себе. «Муж» в писаниях, как правило, не столько возрастное понятие, сколько синоним личности образцовой доблести и, особенно, зрелого разума. Несомненно помня об этом, талантливый писатель и образованнейший человек своего времени Павел понижает значение слова именно до смысла возраста. Как? Простейшим образом: противопоставляя «мужу» – младенца! Хотя в главе о любви нет и признаков темы детства.

А уж из младенчества я, как и любой читатель Нового за-

вета, вышел. И, значит, с полным моральным правом, сравнившись в годах с мужем Павлом, могу разбираться в его суждениях о любви. Он как бы приглашает к этому...

...А вправду, какого я возраста?

Меня раздражают мои ровесники, старающиеся представить себя пусть и морщинистыми, но «по сути на самом-то деле» ого-го какими юношами, и воспринимающими мир как двадцатилетние, и почти не уступающими им по физическим кондициям. Сейчас таких немало и в жизни, и в телевизоре. И я даже знаю, чем они вызывают мою неприязнь. Тем, что напоминают меня самого, ну, предположим шестидесятилетнего в некоторые моменты жизни.

Вот, скажем, какой-то корпоратив с цивилизованным воздействием, культурной программой, а еще с танцами. Почти всегда много прелестных девушек. Впрочем, если их и не много, все равно... Ты танцуешь, получая от этого удовольствие. Через какое-то время – только удовлетворение от сознания пользы движения. Но еще в ощущениях – пьянящая достижимость... всего. Это от аперитива. Лишь одно невозможно – предстать перед самим собой (и перед девушками!) слабаком. И ты уже выделяешь одно или два (а других и не знаешь) коленца из последних сил. Слава Богу, музыка кончается. Здесь бы и передохнуть. Но нет. «Главное, чтобы воля тут была к победе». Возрождаешь в мозгу ощущение от утреннего воздействия гантелей – и на окончательном изды-

хании подхватываешь девушку на руки и транспортируешь до близстоящего стула. Чего, между прочим, не делал в молодые годы. Не было порывов кому-то что-то доказывать.

Сегодня мне как-то... жалобно видеть, как куртуазный старинушка – пусть в прекрасной физической форме – поактерски галантно отвальсировав круг с милой балеринкой из подтанцовки, вдруг подкатывается под ее коленки, не без натуги отрывает ее от матушки-земли и, преодолев естественное сопротивление собственной поясницы, эстрадно ослабившись, как бы щедро предъявляет девушку восхищенному обществу.

Каждый раз при такой картине (а это не редкие случаи) мне почему-то приходят на память стихи Пушкина: «Старый муж, грозный муж, режь меня, жги меня...» Причем на музыку самых разных композиторов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.